

АНАСТАСИЯ ЕРМОЛИНА,
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Социализм как социология

Имя Эмиля Дюркгейма достаточно хорошо известно в России. Популярностью пользуются, главным образом, такие его переведенные на русский язык сочинения, как «Метод социологии», «О разделении общественного труда» и «Самоубийство. Социологический этюд». В гораздо меньшей степени мы осведомлены об изысканиях Дюркгейма в области социологии религии. Хотя, надо сказать, и в учебных курсах, и в хрестоматиях по социологии религии присутствуют извлечения из его труда «Элементарные формы религиозной жизни».

Однако эти сочинения не предлагают нам полной картины социальной теории Эмиля Дюркгейма. Сегодня в его творческом наследии отчетливо наблюдается одна лакуна. Речь идет о социализме. Именно об этой стороне творчества Дюркгейма в России практически ничего не известно. Кроме как из работ Гофмана и Осиповой¹ (это, кажется, все, что существует на русском языке) мы нигде не сможем почерпнуть информацию о научных наработках Дюркгейма в области социализма. Это чрезвычайно прискорбно, так как Дюркгейм был одним из первых, кто стал рассматривать социализм беспристрастно и исключительно с научной точки зрения, оставив за скобками все злободневные вопросы, необычайно актуальные для того времени.

Путь к социализму, который французский социолог сделал частью социологии, был сложным. Годы, проведенные в Эколь Нормаль, не прошли для Эмиля Дюркгейма без следа. Многие его друзья-социалисты, среди которых был небезызвестный Жан Жорес, оказали большое влияние на французского ученого. Именно тогда Дюркгейм занялся исследованием социального вопроса. И, что характерно, уже в то время этот вопрос он ставил абстрактно и фи-

¹ См.: Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма. Критический анализ теоретико-методологических концепций. М., 1977. С. 38–51; Гофман А.Б. Социология Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.

лософично, формулируя его следующим образом: «Отношения социализма и индивидуализма».

В 1883 году Дюркгейм уточнил формулировку своих изысканий, и теперь она звучала так: «Отношения личности и общества». Это означало не только то, что ученый посмотрел на интересующие его проблемы под другим углом зрения, но и то, что его интерес к социализму отодвинулся на второй план. Именно тогда были сделаны первые наброски его сочинения «О разделении общественного труда», в котором Дюркгейм заявлял, что рассматриваемую проблему может решить только новая наука — социология.

Дюркгейм, посвятив себя разработке этой новой науки, занялся социологическими исследованиями. В это время из-под его пера вышли книги «О семье» и «Элементарные формы религиозной жизни». Определенно, мысль Дюркгейма в этот период обрела четкие формы, но наука, которой он посвящал столько времени, забирала у него все силы без остатка. Не имея ни сил, ни времени, Дюркгейм не мог вернуться к изучению социализма. Однако он никогда не упускал из виду отправную точку своих научных изысканий. Социальный вопрос, уйдя с первого плана, все-таки всегда оставался фоном его интеллектуальных штудий.

Дюркгейм не смог вернуться к своим исследованиям социализма вплоть до 1895 года. Впрочем, даже тогда, когда он к ним вернулся, он не был способен посвятить им все свое время и придать им законченный вид. Он рассматривал социалистическую доктрину с научной точки зрения, как социальный факт, к которому ученый должен относиться холодно, без предубеждений, безучастно. Социализм беспокоил его исключительно как проблема социологической теории, не более того. Для того чтобы объяснить эту идеологию, нужно было проанализировать социальные факты, на которые в свое время обратили внимание такие неординарные мыслители, как Клод Анри де Сен-Симон, Шарль Фурье, Роберт Оуэн и Карл Маркс.

Курс по социализму был, по мнению ученика и последователя ученого — Марсея Мосса, примером применения научного социологического метода, созданного Дюркгеймом². Однако, как справедливо замечает Мосс, эта внешняя незаинтересованность и отстраненность от социализма³ на самом деле удовлетворяла не только научный интерес, но и нравственные чувства Дюркгейма. Он искал возможности принять участие в судьбе своей страны, и лучшим способом сделать это было прояснить смысл и значение новой социально-политической доктрины, имеющей в тот период особое значение. Среди его собственных студентов некоторые являлись ярыми адептами социализма, преимущественно марксистами. В созданном ими Кружке социальных исследований они обсуждали «Капитал» Маркса так же, как их предшественники когда-то обсуждали произведения великих западных философов. Дюрк-

² См.: Marcel Mauss. "Introduction," dans Émile Durkheim, *Le socialisme. Sa définition – Ses débuts – La doctrine Saint-Simonienne* (Paris, 1928).

³ Подробнее об отношении к социализму Дюркгейма и Мосса см.: Mike Gane, *The Radical Sociology of Durkheim and Mauss* (New-York, 1992).

гейм же видел в марксизме оппозицию либерализму и буржуазному индивидуализму, сторонником которых, в свою очередь, являлся он.

Вместе с тем, несмотря на некоторую «научную отстраненность» социолога, сами социалисты Дюркгейма уважали и почитали. Во многом, вероятно, из-за его «научного» внимания к социалистической идеологии. Так, например, на конференции в Бордо, организованной кружком «Социальных исследований» и французской Партией рабочих, Жан Жорес познакомил социалистически ориентированную публику с творчеством Эмиля Дюркгейма (в частности он восславил одну из книг социолога «О разделении общественного труда»), которое встретили с теплыми чувствами.

Вместе с тем личное, а не научное отношение Дюркгейма к социализму было достаточно сложным, особенно в отношении его марксистского варианта. Всю свою жизнь Дюркгейм испытывал отвращение к социалистам именно из-за некоторых черт этого движения — из-за акцента на насильственных методах изменений в обществе, классового характера, скорее, стравливающего людей, нежели их примиряющего, и непрекращающихся политических интриг внутри рабочего класса.

Дюркгейм был глубоко убежден во вреде политического противостояния классов и наций. Он не отрицал и даже, более того, стремился к социальным переменам, но лишь в том случае, если от этого выигрывало общество в целом, а не одна из его фракций, какой бы многочисленной и сильной она ни являлась. Политические революции и парламентские реформы Дюркгейм считал искусственными, показушными и комическими. Он также всегда выступал против идеи партийной дисциплины и особенно против идеи интернационала, столь рьяно отстаиваемой социалистами. Социальные и нравственные последствия «дела Дрейфуса» не изменили его точки зрения. Во время Первой мировой войны он не возлагал больших надежд на международный рабочий класс, а соблюдал буржуазно-демократическую «золотую середину», симпатизируя социалистам, но никогда к ним не примыкая.

Чтобы оправдать себя в собственных глазах, Дюркгейм начал готовить курс лекций о социализме, который, благодаря усилиям его племянника и последователя Марселя Мосса, появился в 1928 году в виде книги под названием «Социализм: определение, истоки, учение Сен-Симона»⁴. Курс лекций имел громадный успех, а определение социализма, предложенное Дюркгеймом, было с благосклонностью принято социалистами. В свете этого особенно интересно отметить, что в те времена, когда Дюркгейм разрабатывал свой курс, история социалистических учений не была уж в слишком большом почете. И если уж какую из социалистических доктрин и обсуждали политически активные граждане, то это был марксизм. Дюркгейм же обратил свое внимание именно на доктрину Сен-Симона — мыслителя, который тогда был не в фаворе.

В предисловии к «Социализму» Марсель Мосс написал, что эта книга была началом труда, который так и остался незавершенным. Это была, по его

⁴ Émile Durkheim, *Le socialisme. Sa définition – Ses débuts – La doctrine Saint-Simonienne* (Paris, 1928).

словам, лишь первая часть «Истории социализма», представленная в форме лекций, прочитанных Эмилем Дюркгеймом в Бордо с ноября 1895 по май 1896 годов. Мосс уверял, что Дюркгейм собирался продлить курс. Вторую часть должно было составить изложение учений Шарля Фурье и Пьера-Жозефа Прудона; третью — Фердинанда Лассалья, Карла Маркса и других немецких социалистов. Мосс стремился показать, что Дюркгейм предпочитал заниматься фигурами первой величины, а не теми, кто оставался в тени. Однако в 1896 году, как уже было сказано, Дюркгейм обратился к другим занятиям и снова прервал свою работу, никогда так и не завершив своих «социалистических замыслов».

Вместе с тем существовал ли этот замысел в действительности? Намерение Дюркгейма обратиться к творчеству Карла Маркса очень сомнительно, поскольку он, по всей видимости, не считал Маркса важным представителем социалистической мысли. Во многом Дюркгейму больше по душе Сен-Симон, о котором социолог собственно и написал книгу. Отчасти интерес к Сен-Симону объясняется собственными политическими и научными убеждениями Дюркгейма, отчасти — национальной гордостью, испытываемой французским ученым за своих соотечественников — первых и самых главных ласточек социализма.

Вообще Эмиль Дюркгейм относился к Марксу с прохладой, и если уж и писал о нем, то исключительно как о периферийной фигуре, всегда отодвигая его на второй план. Например, в «Социализме и социологии»⁵ он упоминает Карла Маркса исключительно в том контексте, в котором его критикует Гастон Ришар. То же самое относится и к его статье «Материалистическое понимание истории»⁶. Так что идея Мосса о продлении Дюркгеймом курса о социализме выглядит весьма сомнительной.

В этом отношении было бы очень кстати вспомнить небольшую перепалку, случившуюся в середине 1970-х годов в интеллектуальной жизни США. В журнале «The New-York Review of Books» некто Терри Перлин обвинил известного ныне в США, но, к сожалению, не в России, политического теоретика Шелдона Уолина в том, что тот был невнимателен к великим социологам Максу Веберу и Эмилю Дюркгейму, написав, будто они «опрофанились» из-за того, что не исследовали вопрос о революции всесторонне и систематически. Ведь уже Марсель Мосс, стал ссылаться на авторитеты Перлин, объяснил нам, что предприятие Дюркгейма по изучению социализма, по крайней мере, в своей идее было эпохальным. На этот пассаж Уолин совершенно справедливо указал, что, если Мосс и говорит нам нечто подобное, то мы не вправе принимать его слова на веру, ибо само сочинение Дюркгейма говорит нам об обратном. Сен-Симон и по темпераменту, и по взглядам — политическим и научным — импонировал Дюркгейму. И французский социолог вполне мог назвать его своим предшественником, в то время как Маркс всег-

⁵ См. ниже: Дюркгейм Э. Социализм и социология.

⁶ Дюркгейм Э. Материалистическое понимание истории // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.

да оставался для французского ученого «угрозой» не только в плане революции, но и в плане науки⁷.

Последнее замечание не случайно. Дюркгейм противопоставил «научный социализм» Маркса⁸ изучению социализма как научной категории социологического знания. Само по себе социалистическое движение не могло быть принято социологией как научное по той причине, что оно просто-напросто не могло быть таковым. Равно как и социология не могла быть интегрирована в какое-либо политическое движение и уж тем более в социалистическое, так как в этом случае она потеряла бы свою беспристрастность, неангажированность и независимость, а в конечном счете и самое себя.

Но зато имелся другой способ «онаучить» социализм. С точки зрения Дюркгейма, он может и, более того, должен был быть интегрирован в социологию, благодаря которой и получил бы новую жизнь уже не среди партийных клик, но в храмах науки. Дюркгейм считал, что мы ни в коем случае не можем говорить о том, что социализм сам по себе мог быть научным и претендовать на обязательное претворение в жизнь всех тех благ, которые он нам сулит. Наукой он может стать лишь в том случае, если сама наука (и прежде всего социология) обратит на него внимание, то есть позволит ему стать предметом своего анализа.

С точки зрения Дюркгейма, существует два различных способа изучения социализма. Первый. Мы можем видеть в социализме научную доктрину о природе и эволюции обществ в целом, и современных, наиболее цивилизованных обществ в частности. В этом случае наш анализ, считает социолог, не будет отличаться от представлений учеными своих ничем не подтвержденных гипотез. Явление, изучаемое нами с этих позиций, рассматривается абстрактно, вне времени или пространства, вне исторического контекста, совсем не как факт, генезис которого можно проследить.

Этот метод Дюркгейм считал ошибочным. Он полагал, что, конечно, нельзя преуменьшать значение данного способа, но одновременно нельзя и придавать ему исключительный характер. На самом деле, утверждал Дюркгейм, научное исследование не может считаться таковым, если оно лишь переводит данную нам реальность на отвлеченный и наукообразный язык. Наука — это исследование, содержащее в себе часть конкретной реальности, которую необходимо понять и познать.

Социализм направлен в будущее. Это идеал, который подается людям исключительно в виде ожиданий и желаемых предпочтений, которые, однако, объективно еще не заложены в программу развития соци-

⁷ “The Treat of Marx.” By Terry Perlin, Reply by Sheldon S. Wolin, in *The New-York Review of Books*, (1974), Volume 21, № 15, October 3; <http://www.nybooks.com/articles/9392>.

⁸ Об отношении Дюркгейма и марксистской социальной теории см. относительно непредвзятый анализ: Everett K. Wilson, “A Marxist Consideration of Durkheim,” in *Social Forces*, (1981), Volume 59, № 4.

альной жизни. Именно по этой причине социализм нельзя рассматривать как науку.

Именно поэтому Дюркгейм выбирает второй способ исследования идеологии социализма. Единственная установка, подходящая для науки, с точки зрения социолога, — это осторожность и сдержанность. Социализм невозможно изучать иначе, не солгав самому себе. Все социалистические теории были вдохновлены страстью. А придавала им силу, прежде всего, жажда справедливости, жалость к нищете и бедам рабочего класса, способность понять наболевшие проблемы. Социализм — это не наука и не социология в миниатюре, а безжалостный крик боли и упрека, исходивший от тех людей, которые наиболее остро чувствовали болезни общества. Разве может наука дать лекарства от этой болезни? Ответ Дюркгейма — да, может, но лишь, будучи системой положений, отражающих факты и проверяющих их истинность или ложность, возможность или невозможность их применения в социальной реальности. И именно этому посвящено одно из главных произведений французского социолога.

В настоящий момент в мире наблюдается всплеск интереса к социализму. Однако марксизм, по крайней мере, в традиционном его понимании, уже мало кого прельщает. Сегодня в интеллектуальном пространстве России ищутся новые авторитеты и новые обоснования социалистической идеологии. И по этой, и по многим другим причинам мы считаем полезным публикацию статьи Эмиля Дюркгейма «Социализм и социология», в которой изложена его методологическая позиция относительно изучения социализма — этого сложного, но в то же время столь влиятельного социального факта современного мира.